

5. Котова Н. С., Кудряшов И. А. Психоповествование как нарративный прием в прозе Бориса Поплавского // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 10-3(52). С. 55–57.
6. Тамарченко Н. Д. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика // Теория литературы: в 2-х т. Т. 1. М.: Академия, 2004. С. 106–474.
7. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семиотика и структура. М.: Наука, 1983. С. 58–71.
8. Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 360 с.
9. Cohn D. Transparent Minds: Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction. Princeton: Princeton University Press, 1983. 344 p.
10. Updike J. The Afterlife and Other Stories. NY: Random House Publishing Group, Inc., 1994. 382 p.
11. Updike J. The Early Stories: 1953-1975. NY: Random House Trade, Inc, 2003. 1152 p.

ТЕМА ДЕТСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ КАДЗУО ИСИГУРО

В. Г. Минина

Минский государственный лингвистический университет

Минск, Беларусь

e-mail: victoriaminina@mail.ru

Статья посвящена анализу темы детства в романах британского писателя японского происхождения Кадзуо Исигуро. Это магистральная тема творчества писателя.

Ключевые слова: Кадзуо Исигуро; тема; роман; детство; Япония; герой.

THEME OF CHILDHOOD IN KAZUO ISHIGURO'S WORKS

V. G. Minina

Minsk State Linguistics University

Minsk, Belarus

e-mail: victoriaminina@mail.ru

The article analyses the theme of childhood in the novels by Kazuo Ishiguro, a Japanese-born British writer. The given theme permeates all the author's works.

Key words: Kazuo Ishiguro; theme; novel; childhood; Japan; character.

Проблема детства, возможно, как художественное отражение личного опыта писателя, как чувство тоски по возможному детству в Японии, которого его лишили, необычайно важна для К. Исигуро (р. 1954). Писатель говорит: «Мое детство четко разграничено в географическом смысле, а также в смысле людей, которые меня тогда окружали – все было не так, как у тех, кто вырос в одном месте. Знаете, символом моего раннего детства является для меня готовый эмоциональный слепок

Японии, где жизнь казалась более наивной и защищенной. Потом была Британия <...>. Естественно, не все совершают подобный географический и культурный переход, но я имею в виду то, что почти всем нам пришлось пережить сложный процесс перехода из мира детства, в котором мы чувствовали себя защищенными. Мы совершили путешествие из мира детства в мир, который уже не изменить» [2].

Таким образом, тема детства, в той или иной мере, затрагивается писателем в каждом романе. Один из стержневых вопросов в романе «Там, где в дымке холмы» (*A Pale View of Hills*, 1982) связан с самоубийством юной героини Кейко. Что подтолкнуло молодую девушку из внешне благополучной семьи пойти на это? За ответом на данный вопрос читатель вместе с ее матерью Ецуко отправляется в послевоенную Японию, в то время, когда Ецуко еще и не помышляла о переезде в Великобританию, в то время, когда Кейко еще была ребенком. Главная героиня преимущественно вспоминает несколько месяцев своей дружбы с женщиной по имени Сачико, которая со своей семилетней дочерью Марико собиралась переехать в Америку. Этот факт и наталкивает читателя на мысль о сходстве двух судеб – Ецуко и Сачико. Сопоставив некоторые факты, можно прийти к заключению, что в образе Сачико кроется ответ на загадку в судьбе Ецуко. Исходя из этого, можно с полным правом провести параллели между жизнями их дочерей – Кейко и Марико. Из двух неполных историй о девушках читатель складывает одну судьбу. Все, что он знает, – это факты из детства Марико и отдельные эпизоды из взрослой жизни Кейко, то есть начало одной судьбы и конец другой, точкой пересечения которых служит отъезд из Японии. Эта точка и сходство жизненных историй матерей дают читателю право наложить судьбы обеих девушек друг на друга, в результате чего получается единая судьба. Полученная цельная картина объясняет самоубийство Кейко, корни которого прослеживаются в детстве маленькой Марико, которая всячески противилась переезду из Японии, грубила матери, убегала из дому, словно предчувствовала, что ей будет сложно в чужой стране. Так и оказалось: в Великобритании, как читатель видит уже на примере Кейко, девушка все больше и больше замыкалась в себе, чувствовала себя ненужной ни в семье, ни в чужой ей стране, в которой ей так и не удалось ассимилировать. В этом романе мы, вероятнее всего, сталкиваемся с размышлениями самого автора о судьбе иммигранта, о возможных вариантах развития событий при вынужденном переселении в инородную среду.

В романе «Художник зыбкого мира» (*An Artist of the Floating World*, 1986) главный герой пытается наладить отношения со своим внуком: водит его в кино и кафе, они вместе гуляют, много разговаривают, дедушка

пытается понять внука, прислушаться к нему. Тем самым крепнет связь поколений: престарелый герой видит в своем внуке продолжение себя, своего рода, своих надежд и, словно, черпает силы в искренности, непосредственности и неумном фонтане детской энергии своего внука; в свою очередь внуку он передает свою житейскую мудрость, спокойствие, уверенность, что он не один, что у него всегда будет поддержка.

В следующем романе писателя, «Остаток дня» (*The Remains of the Day*, 1989), автором в наименьшей степени развивается тема детства, однако в произведении присутствуют взаимоотношения между престарелым отцом и уже взрослым сыном. Читателю представлено словно зеркальное отражение отношений «родитель–ребенок»: в данном случае настал черед сына заботиться об отце, ухаживать за ним, приглядывать, дабы не случилось ничего плохого.

Герой романа «Безутешные» (*The Unconsoled*, 1995) Райдер – музыкант с мировым именем. Но в его душе до сих пор не зажила детская рана: неприятие его родителями таланта сына; он продолжает считать, что не оправдал ожидания родителей. Его постоянно преследует навязчивый страх перед провалом, внушенном еще в детстве. Снова и снова он пытается разобраться, когда все пошло не так. Он одинок и несчастен. Даже музыка не приносит успокоения, и порой ему даже кажется, что он не умеет играть. И целью его жизни стала навязчивая идея: изменить прошлое, попытаться переписать его, представить альтернативную реальность и воплотить ее в жизнь – сыграть так, чтобы его талант увидели и, наконец, оценили родители. Все его мысли только об одном – о концерте, на котором будут присутствовать родители; им движет надежда, что ему удастся заслужить их любовь. Тогда, как он считает, вся его жизнь пойдет иначе. Герой, словно, продолжает жить в своем детстве: детские обиды его не отпускают, он не уверен в себе, живет с оглядкой на родителей. К сожалению, его родители так и не пришли на концерт – К. Исигуро доказывает, что нет смысла быть одержимым альтернативной реальностью, наша жизнь такая, какая есть, мы просто должны принять ее и идти дальше, то есть повзрослеть.

Протагонист романа «Когда мы были сиротами» (*When We Were Orphans*, 2001) детектив Кристофер Бэнкс – сирота. Он тоскует по родителям: по всему тому, что они могли бы ему дать. Родившись в Шанхае, после исчезновения родителей он вынужден переехать в Британию, где чувствует себя чужим. Таким он остался на протяжении всей жизни, так полностью и не ассимилировав в британское общество. Он одинок и потерян – у него нет ни родителей, ни родины. Люди признают его талант, ценят его, но нигде Кристофер не чувствует себя уверенно. Только вновь

приехав в Шанхай, он понял, что вернулся домой, словно в детство: *За все годы, что прожил в Англии, я ни разу не почувствовал там себя дома* [3, р. 260], – говорит он.

Осознавая трагедию сиротства, Кристофер полон идеалистических и наивных иллюзий спасти мир от надвигающейся Второй мировой войны, тем самым, сохранив детям не только их родителей, но и счастливое детство. Размышляя об искалеченных войной судьбах детей, Кристофер сетует: *Когда мы были мальчишками <...> мы жили в добром мире. А эти дети <...> Как ужасно, что им так рано довелось узнать, насколько гнусной бывает жизнь* [3, р. 267]. В интервью К. Исигуро говорит о чувстве растерянности и утраты, когда ребенок взрослеет и понимает, что окружающий его мир не такой дружелюбный, каким казался в детстве. И выход из защитного панциря всегда оказывается необычайно болезненным: «я считаю, что когда мы были детьми, взрослые договорились между собой, очень по-доброму договорились, продемонстрировать нам, что мир намного лучше, чем он есть на самом деле. Я заметил это, когда моей дочери, которой сейчас восемь, было два, ну от силы, три года; когда мы гуляли с ней по улице, взрослые, будто сговорившись, улыбались ей, начинали с ней ласково сюсюкать, зайти мы в какой-нибудь магазин. Это происходит само собой, и, естественно, когда ты, достигнув определенного возраста, начинаешь трезво оценивать все темные стороны внешнего мира, ты понимаешь, что твоему ребенку придется выйти из этого защитного панциря, и все, что тебе остается, это попытаться сделать этот процесс постепенным. <...> тем из нас, кому повезло жить в подобном панцире, в определенном возрасте пришлось совершить это немного грустное путешествие из панциря в реальный мир. И мне кажется, что у всех нас было легкое чувство разочарования по поводу того, что мир – это не то прекрасное и гармоничное место, в реальности которого убеждали нас родители. Я думаю, то чувство разочарования до сих пор живет в нас» [1].

Так и родители главного героя из «Когда мы были сиротами» попытались продлить его детство: свое исчезновение и уход отца мать Кристофера устроила так, что Кристофер видел во всем только тайну – тайну, которые он так любил разгадывать в детстве. Это была игра, вместе с которой продолжалось и его детство. Читатель видит, что даже взрослый Кристофер не был, а скорее играл в детектива. Для него реальность была всего лишь детской увлекательной игрой. Уже после того как протагонист узнал правду о своем мнимом сиротстве – отец ушел к любовнице, а мать продалась в рабство ненавистному ей опиумному магнату, чтобы обеспечить сыну безбедное существование, его дядя сказал ему: *Но те-*

перь ты видишь, каков наш мир на самом деле. <...> Твоя мать хотела, чтобы ты всегда жил в своем зачарованном мире. Но это невозможно. В конце концов, он неизбежно должен был рухнуть. Чудо уже и то, что ты просуществовал в нем так долго [3, р. 314].

В романе К. Исигуро «Не отпускай меня» (Never Let Me Go, 2005) тема детства освещается немного в необычном ракурсе: повествование ведется от лица клона, изначально лишённого и родителей, и дома. Заглавие романа «Не отпускай меня» – это название песни, которую исполняет в романе вымышленная певица Джуди Бриджуотер. Главная героиня Кэти с детства не расставалась с кассетой с ее песнями. Однажды воспитательница пансионата стала свидетельницей трогательной и печальной картины: Кэти танцевала в комнате, держа в руках подушку вместо младенца, и напевала строки из песни: «Детка, не отпускай меня». Эта сцена потрясла женщину: она увидела маленькую девочку, стоящую на пороге новой и жестокой жизни и просящую детство не отпускать ее.

У Кэти было непреодолимое желание иметь дом, семью, близких. Она воображала себя матерью, которой никогда не могла стать, и одновременно маленькой девочкой, оказавшейся на руках матери, чего у нее в жизни никогда не было. Они обе молят друг друга – не отпускай меня, защити меня, появись в моей жизни. И мольба продолжается, мольба уходящих в небытие клонов – не отпускай меня, защити меня. А если нет возможности не отпустить и продлить жизнь, – то хотя бы храни в памяти.

Подводя итог, можно сказать, что К. Исигуро пишет об одиночестве человека, его желании привязаться к кому-то, почувствовать тепло и близость другого человека, дабы избежать ледящего душу холода тоски и пустоты. Самым тяжелым периодом в жизни человека, по мнению писателя, является взросление: это чувство одиночества и «непринадлежности» ни к чему, это процесс перехода к осознанию себя взрослым человеком. Мы все, даже будучи взрослыми, с трудом прощаемся с детством, не хотим, чтобы оно ушло безвозвратно.

Библиографические ссылки

1. Dunn A. In the Land of Memory. An Interview with K. Ishiguro to Channelnewsasia.com 27 Oct. 2000. [Electronic resource]. Mode of access: http://cnn.mediacorpnews.com/analysis_prog/incon_kazuo.htm. Date of access: 23.06.2018.
2. Interview with K. Ishiguro by Chapel J. [Electronic resource]. Mode of access: www.theatlantic.com/unbound/interviews/ba2000-10-05.htm. Date of access: 13.08.2018.
3. Ishiguro K. When We Were Orphans. London: Faber and faber, 2001. 314 p.